

Глава 17. Подозрение

— Хватит! Что за разговоры, быстро в дом спать! — раздался из дверей восточной пристройки голос Ши Пулю. Она стояла спиной к тусклому свету лампы, улыбаясь братьям. Даже когда она старалась говорить громче, её голос звучал мягко и безвольно, словно она ступала по вате.

Е Ишу оставил Доумяо и направился в дом.

— Старший братец, подожди меня! — крикнул Доумяо. Светлячки, которых он с таким трудом наловил, почти все разлетелись. Он нахмурился, разрываясь между желанием поймать ещё и боязнью, что брат уйдёт без него. Потоптавшись на месте, он всё же побежал за ним.

— Доумяо, быстро возвращайся. У тыквенной плети столько комаров, — поторопила его Ши Пулю.

— Иду, мама, — ответил мальчик и, обняв свой бамбуковый тубус, скрылся в доме.

Масляная лампа погасла, и вскоре со двора донеслось размеренное похрапывание.

Прошла ещё одна ночь. Ранним утром, ещё до пробуждения, Е Ишу услышал непрекращающееся визжание свиней на заднем дворе. Он сел на кровати, укутавшись в одеяло, и уставился в щель окна. Как и ожидалось, не прошло и нескольких мгновений, как раздался голос бабушки, который был громче свиного визга:

— Все разлеглись, как мёртвые! Время-то сколько, даже свиньи не кормлены!

Е Ишу прищурился. Прядь волос на его макушке недовольно дёрнулась.

— Ни дня без крика прожить не может.

У Е Ишу с утра было дурное настроение. Сегодня, когда ему наконец-то не нужно было никуда идти, он хотел выспаться. Но ни свиньи, ни куры, ни люди не давали ему покоя. Он откинул одеяло, быстро оделся и вышел во двор. В тот же миг брань, разносившаяся по двору, оборвалась.

Тёмные глаза Е Ишу обвели двор. Из соседней комнаты, зевая, вышел только Доумяо. Ли Сынян, почувствовав на себе его взгляд, вздрогнула и поспешила на задний двор кормить свиней.

Е Ишу подозвал Доумяо.

— Где отец с матерью?

— Не знаю, — покачал головой мальчик. — Когда я проснулся, их уже не было.

Е Ишу немного подумал и догадался, что родители, скорее всего, снова поехали в город продавать зерно. В городе зерно принимали всего несколько дней, и если они опоздают, придётся продавать его мелким лавочникам, а те не дадут хорошей цены.

Е Ишу поджал губы и фыркнул.

— Совсем от хорошей жизни развежилась, только и знает, что орать. Чем от скотины отличается?

— Брат, ты о чём? — спросил Доумяо, лохматый и сонный.

— Я говорю, свиньи голодные, — ответил Е Ишу, щёлкнув его по лбу.

— О, да, большие и маленькие свиньи точно голодны. Тогда я пойду соберу для них корм.

Е Ишу схватил мальчика за воротник и потянул назад.

— Не видишь, бабушка пошла. Пойдём лучше умоемся, я тебя на рыбалку свожу.

— Правда? — Доумяо подпрыгнул от радости и бросился в дом собираться.

В такое время дома завтрак не готовили, нужно было ждать возвращения матери. Двухразовое питание было тяжело даже для него, не говоря уже о растущем организме Доумяо.

Умывшись, Е Ишу вместе с Доумяо выскользнул из дома. Ли Сынян, накормив свиней, вышла, чтобы отправить Доумяо за травой, но в доме уже никого не было. Она в ярости снова принялась браниться, стоя посреди двора:

— Все лентяи, только и знают, что от работы прятаться! За что семья Е кормит столько дармоедов! Цзинь Лань, Цзинь Лань!

Цзинь Лань распахнула дверь, держа в руках таз с грязной одеждой.

— Мама, что вы кричите с утра пораньше? — процедила она. Старая карга, будто душу выкликает. Разбудила её ни свет ни заря.

— Ты куда собралась? — спросила Ли Сынян.

— Стирать, — раздражённо ответила Цзинь Лань. — Вы же знаете, Цзиньбао каждый день меняет одежду. Если не постирать, ему нечего будет носить. А вы ведь не даёте денег, чтобы сшить ему ещё. — Сказав это, она прошла мимо старухи и, покачивая бёдрами, вышла со двора.

Ли Сынян тяжело дышала от гнева.

— Целыми днями ничего не делает, а как позовут работать, так сразу находит отговорки, извивается, как рыба! И что за жирной задницей она вертит!

Ли Сынян прекрасно знала нрав Цзинь Лань. Если та сказала, что пошла стирать, то на реке она проведёт не меньше часа, прежде чем вернётся. Старуха кипела от злости, казалось, из ушей у неё вот-вот повалит пар.

Река, протекавшая через деревню Сялинь, была неширокой, всего три-пять метров. Вверх по течению горный ручей промывал речные камни. Заросшая лесом заводь была излюбленным местом деревенских детей. Они ловили крабов, креветок, мелкую рыбёшку. Большая часть детских воспоминаний была связана с этой речкой.

Е Ишу прихватил с собой самодельную удочку, сачок, ведро, огниво, нож и две приправы и устроился на берегу. Жители деревни Сялинь тоже ели рыбу, и в голодные годы чуть не выловили всю рыбу в реке. Позже, когда жизнь наладилась, староста организовал зарыбление, и в реку выпустили много мальков.

Е Ишу нашёл место, где любили сидеть деревенские рыбаки, и, даже не прикармливая, забросил крючок с насаженным на него червём.

У Доумяо в животе заурчало. Он присел рядом с Е Ишу и, прижав руки к животу, спросил:

— Брат, думаешь, получится?

— Ты сомневаешься в моём мастерстве, — ответил Е Ишу, не отрывая взгляда от воды.

— Не то чтобы сомневаюсь, — почесал затылок Доумяо, — просто в прошлые разы у тебя не очень получалось.

Е Ишу обернулся и так посмотрел на мальчика, что тот инстинктивно закрыл голову руками. Затем он усадил брата на свой стул и вложил ему в руки удочку.

— Теперь ты.

— Я? Но я не умею, — вытаращил глаза Доумяо.

— Просто держи крепко, чтобы не уронить.

Не успел он договорить, как Доумяо вскрикнул. Мальчик дёрнул удочку, и рыба на крючке тоже рванулась. Е Ишу на мгновение замер, но тут же схватился за удилице, помогая брату. Ух, большая рыба, килограмма на полтора!

— Брат, я поймал! Я поймал! — Мальчик бросил удочку, упёр руки в бока и, словно гордый петушок, спросил: — Ну как я?

Е Ишу картинно поклонился.

— Великолепно, великолепно! Я в восхищении.

Доумяо перестал глупо улыбаться и, отвесив ответный поклон, сказал:

— Брат шутит.

Братья переглянулись и рассмеялись. Е Ишу тут же на месте почистил рыбу и принялся разводить костёр.

— Доумяо, собери дров.

— Сейчас!

Братья слаженно работали. Вскоре костёр разгорелся, и они начали жарить рыбу. Доумяо сидел у огня, подбрасывая дрова. Е Ишу надрезал рыбу, и как только пламя занялось, кожа её начала сворачиваться, шипя и сочась жиром. Посыпав рыбу перцем и солью, они разделили её пополам и наелись до отвала.

Доумяо довольно икнул. Насытившись, он прислонился к брату, как гриб-боровик, и, присев на корточки, спросил:

— Брат, почему рыба, которую жарим мы с Баоцзы, не такая вкусная, как у тебя?

Е Ишу засыпал костёр землёй.

— Вы чешую счищали?

— Мы всё делали, как ты, — Доумяо загибал пальцы, — только из приправ была лишь щепотка соли.

Е Ишу на мгновение задумался.

— Наверное, тебе стоит спросить у мамы. Я не умею готовить, в жарке рыбы главное — не передержать на огне.

При упоминании стряпни старшего брата Доумяо нахмурился, и его лицо скривилось, словно он съел что-то ядовитое. Действительно, это было ужасно! Не просто невкусно, а отвратительно! Однажды от его готовки вся семья страдала животами, пришлось даже вызывать лекаря. Бабушка из-за этого случая потом ещё полмесяца при каждой встрече ругала его брата.

Доумяо стало страшно при одном воспоминании об этом. Глядя на съеденную им рыбу, он с тревогой схватился за живот.

— Рыба только что из реки, — протянул Е Ишу. — Ты сам видел, как я её поймал, почистил и пожарил. Приправы всего две, не умрёшь.

Только тогда Доумяо успокоился и, обняв руку брата, ласково покачал её.

— Брат, не сердись. Даже если живот разболится, я всё равно буду есть твою еду.

— Я разрешаю тебе сказать это ещё раз, — серьёзно произнёс Е Ишу, стукнув его по голове.

Доумяо тут же выпрямился и громко, с праведным видом, заявил:

— Если от еды может разболеться живот, я её не съем, и не дам ни старшему брату, ни родителям!

— Безопасность превыше всего, жизнь — самое главное, — сказал Е Ишу, взъерошив ему волосы.

— Понял, понял, — закивал мальчик, мотая головой.

Пока Е Ишу с младшим братом рыбачили и готовили еду выше по течению, ниже по течению

несколько женщин стирали бельё на реке. Говорят же, муж и жена — одна сатана. Цзинь Лань, как и Е Чжэнсун, была непостоянна в делах: четверть часа постирает, полчаса с соседками поболтает. Прошло уже несколько дней с того случая, но Цзинь Лань, особа не из робких, вела себя так, будто ничего и не произошло.

Остальные с удовольствием наблюдали за этим представлением и, делая вид, что ничего не изменилось, то и дело расспрашивали о делах семьи Е.

Госпожа Тан, урождённая Гуань, тоже была там. Когда она только вышла замуж и переехала в эту деревню, она никого не знала и чувствовала себя одиноко. Именно Цзинь Лань ввела её в круг местных женщин, и она была ей за это благодарна, поэтому они и подружились. Хотя недавние события и пошатнули её мнение о Цзинь Лань, но они всё же были подругами больше десяти лет. Видя, что Цзинь Лань рассеянна, она участливо спросила:

— У тебя что-то случилось?

Она беспокоилась, что Цзинь Лань всё ещё переживает из-за наказания в храме предков, поэтому спросила деликатно. Цзинь Лань взглянула на неё, и в её глазах мелькнула неуверенность. Немного помедлив, она сменила тему:

— Да нет, ничего особенного. Просто мама говорила о моей старшей сестре, что уехала далеко. Говорит, её муж уехал по делам и уже несколько дней не возвращается. А сестра хочет ещё одного ребёнка, да вот возможности нет.

Услышав это, одна из пожилых женщин сказала:

— Твоей сестре ведь уже под сорок, куда ей ещё рожать.

Жена Е Гэня, стоявшая поодаль от Цзинь Лань, прищурилась. Муж несколько дней не возвращается, хочет ребёнка... Да это же она о себе говорит, о четвёртом сыне семьи Е! К тому же, муж её старшей сестры, как все знали, был книжником-недоучкой, какие у него могут быть дела? Точно о себе рассказывает.

Жена Е Гэня, решив, что всё поняла, усмехнулась:

— В этом деле не только твоя сестра должна стараться.

— Верно, верно, — подхватили остальные.

— И ещё одно, — продолжала жена Е Гэня, — мужчины, они ведь слабы. Как только появятся деньжата, да ещё если дома по несколько дней не бывает... Смотри, как бы его лиса какая-нибудь не охмурила.

Остальные женщины тут же оживились и наперебой заговорили:

— Жена Е Гэня права. Сколько там этих борделей и публичных домов, а женщины и гээр, что там работают, так и липнут к мужчинам.

— Точно. Что уж говорить о десяти днях, тут и за день-два нужно быть начеку.

— Ну да, вон Е Байшу из нашей деревни, как только заведётся у него пара десятков вэней, так сразу в город бежит. А там женщины за несколько десятков вэней на всё готовы.

— Фу! — женщины захихикали, прикрывая рты.

Вот что значит замужние женщины — о чём угодно могут говорить без стеснения. Однако, увлёкшись сплетнями, никто не заметил, как замолчала Цзинь Лань, сидевшая у воды.

<http://bllate.org/book/13660/1584593>